

Эмилия Балалыкина

Словообразовательная структура прилагательных с индоевропейским формантом *-lo в истории русского языка

Studia Rossica Posnaniensia 20, 163-175

1988

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

JEZYKOZNAWSTWO

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ ФОРМАНТОМ *-lo В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

WORD-FORMATIVE STRUCTURE OF ADJECTIVES WITH INDO-EUROPEAN FORMATIVE *-lo IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ЭМИЛИЯ БАЛАЛЫКИНА

In the article the author discussed adjectival-participial relationships within the boundaries of formations in *-lyi* in the history of the Russian language, proves the nominal character of these forms gradually consolidating in the sphere of nouns; the author also determined the basic tendencies in their development, connected with “qualitative” increase.

Emilia Bałalykina, Filia Instytutu Języka Rosyjskiego im. Aleksandra Puszkina, 00-095 Warszawa, ul. Senatorska 38, Polska—Poland.

Одним из древнейших славянских адъективных формантов является суффикс **-lo*, тесно связанный с **-no* и **-lo*. Об особенностях девербативных образований с суффиксом *-l-* в отдельных славянских языках писалось довольно много, предметом же специального обучения в сравнительном и сопоставительном аспекте, к сожалению, эти интересные формы еще не были.

По мнению большинства лингвистов, образования с суффиксом **-lo* — это бывшие причастия, послужившие базой для развития славянского претерита и сложной причастно-адъективной группы, по-разному функционирующей в отдельных славянских языках. В русском языке подобные эловые формы представляют собой неограниченно продуктивные причастия — прилагательные (типа *гнилой*, *мерзлый*, *вялый* и др.), функционирование которых придает русскому языку определенное своеобразие и отличает его от других близкородственных языков. Даже балтийские языки, по мнению А. Мейе, „не знают ничего подобного”¹.

---

¹ А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва 1951, с. 211.

В современном русском языке прилагательные на *-лый* представляют собой „пеструю и смешанную картину соотношения и взаимодействия качественных и глагольных оттенков”².

К числу наиболее активных производящих основ здесь относятся:

а) приставочные (непереходные) глаголы на *-еть*: *закоренелый, зачерствелый, окаменелый, обгорелый, оледенелый, отсырелый, поспелый, проржавелый, потускнелый* и др.

б) приставочные (непереходные) глаголы на *-ать*: *залежалый, обнищальный, отоцальный, одичалый, постоялый, отсталый, застоялый, вылинялый, запоздалый* и т.д.

в) приставочные и бесприставочные непереходные глаголы на *-нуть*: *блеклый, вялый,дохлый, затхлый, засохлый, гиблый, дряблый, прокислый, тухлый, опухлый, обрюзглый* и т.д.

г) приставочные и бесприставочные глаголы на согласный: *вылезлый, пришлый, рослый, облезлый, впалый, полеглый* и т.д.

Как видно из приведенных примеров, именно приставочные инхоативные глаголы регулярно образуют эловые формы. Гораздо реже в качестве мотивирующих основ выступают бесприставочные глаголы: *гнилой, зрелый, усталый, смелый* и т.д. Преимущества приставочных глаголов связаны с невозможностью выражения процессуальных оттенков в значении (благодаря совершенному виду), а это обстоятельство является чрезвычайно важным для производства прилагательных на *-лый*. В качестве мотивирующих основ не используются и глаголы движения, глаголы переходные, поскольку в этих основах ясно выражены процессуальные и видовые оттенки.

При мотивации глаголами прилагательные на *-лый* выражают признак, связанный с результатом какого-либо действия: ‘такой, каким стал под влиянием какого-либо действия’, ‘такой, каким становятся под влиянием какого-либо действия’ и т.д. Эта результативность предельно близка значению действительных причастий прошедшего времени, чем и объясняется параллелизм типа: *запоздалый — запоздавший, одичалый — одичавший, ослабелый — ослабевший, порыжелый — порыжевший* и т.д.

Параллелизм имен на *-лый* и действительных причастий прошедшего времени вызван и совпадением инфинитивных основ (а не только значением), что и вводит формы на *-лый* в сферу глагола. Если прилагательное на *-лый* отражает только одно значение, связанное с семантикой глагола, параллелизм может отсутствовать. Например: *оседлый* — ‘живущий на одном месте, постоянно’. *Оседлые племена*; но *осевший* при *осесть* — ‘а) опуститься, понизиться; углубиться в землю; б) лечь, спуститься слоем на дно, выделяясь из раст-

---

² В. В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, изд. 2, Москва 1972, с. 179.

вора, смеси; в) поселиться в постоянных жилищах, на постоянном месте'. Ушаков³.

На большом удалении от мотивирующего глагола находятся те прилагательные на *-лый*, которые мотивированы бесприставочными глаголами. Некоторые из этих адъективов способны выражать семантические оттенки, близкие действительным причастиям настоящего времени. Например: прелый — 'загнивающий от сырости, начавший преть, тронутый прением'. *Прелый товар. Прелые яблоки*; хриплый — 'о звуке: нечистый по тону, глуховатый, сиплый, несколько хрипящий'. *Хриплый голос. Хриплый звук*; недоумелый (разг.) — 'находящийся в недоумении, выражающий недоумение'; сиплый — 'приглушенно хриплый, несколько хрипящий'. *Сиплый звук*; чахлый — 'вянуший, сохнувший, хилый'. *Чахлое растение. Чахлые кусты*. Ушаков.

Некоторые прилагательные способны совмещать разные оттенки отношения к действию (как результативные, так и агентивные), что свидетельствует о еще большей отдаленности от мотивирующего глагола. Например: беглый — '1. Совершивший побег откуда-либо. 2. Непрерывно движущийся, колеблющийся. 3. Не затрудненный, свободный' и т.д. Отсюда: *беглый солдат*, но *беглые тени, беглый огонь*; *беглые гласные* — 'появляющиеся в одних формах и исчезающие в других'. Барх. 1; отсталый — '1. Отставший в пути. 2. Стоящий на низком уровне развития'. Отсюда: *отсталые утки*, но *отсталые страны, отсталый ученик*. Барх. 1; навислый — 'нависший' и 'висящий сверху, опускающийся на чем-либо'. Ушаков и т.д.

Больше подобных адъективов в народно-разговорной речи: зажилой — 'живущий где-либо с давнего времени', задохлый — 'страдающий одышкой, задыхающийся', живорослый — 'то же, что живородящий (быстро растущий)' СРНГ и т.д.

Способность к выражению подобных оттенков характеризует формант *-л-* как именно адъективный (а не причастный), производящий качественные имена от глагольных основ.

Более свободны от ярко выраженной „глагольности” образования на *-лый*, мотивированные бесприставочными глаголами и характеризующиеся длительным существованием в языке (соответствия этим прилагательным можно обнаружить во всех славянских языках). С причастиями они, как правило, несоотносительны. Например: *вялый, гнилой, спелый, зрелый, кислый, чахлый, усталый* и т.д. Именно эти прилагательные активно включаются в процесс семантического переосмысления, приобретая так называемые переносные оттенки в семантике. Мотивация бесприставочными глаголами способствует этому процессу. Вот как об этом писал А. А. Потебня: „Предлог в отпричастном

³ (Ушаков) — *Толковый словарь русского языка* в 4-х т., под ред. Д. Н. Ушакова, Москва 1935 - 1940; (Барх. I) — *Словарь русского языка*, т. I - III, Москва 1981 - 1983; (СРНГ) — *Словарь русских народных говоров*, под ред. Ф. П. Филина, вып. 1 - 17, Ленинград 1966 - 1980.

на -л- поддерживает его связь с глаголом, и, наоборот, имена беспредложные на -л- скорее теряют всякое отношение к глаголу”⁴.

Основные модели семантического развития форм на -лый еще нуждаются в своем определении⁵, но результатом этого развития является, как правило, расширение значения, утрата связей с мотивирующим глаголом, возможность сочетаний с существительными различного лексического содержания⁶. Например, вялый — ‘1. Потерявший свежесть, увядший’. *Пахло вялыми листьями.* ‘2. Медлительный от усталости, слабости, лени’. *Вялое настроение.* ‘3. Лишенный живого интереса к окружающему, равнодушный и бездеятельный’. *Вялые, бессильные люди...;* затхлый — ‘1. Пахнущий сыростью, гнилью’. *Затхлый воздух.* 2. Перен. ‘Закоснелый, со следами внутреннего разложения’. *Затхлая среда;* зрелый — ‘1. Созревший, спелый’. *Зрелые плоды.* 2. ‘Достигший полного развития, возмужалый’. *Человек зрелых лет.* ‘3. Перен. Полностью сложившийся: достигший опытности, мастерства’. *Зрелый ученый* и т.д.

Прилагательные на -лый, явившиеся результатом семантической деривации, приобретают способность широкой сочетаемости. Например: *тусклая зарница, тусклое зеркало, тусклая осень, тусклые воспоминания, тусклый силуэт, тусклые глаза* и т.д. Способность к переосмыслению развивается даже у приставочных образований. Например: *загорелые холмы*⁷ или *угорелый* — взбалмошный, неуравновешанный. Барх.

Развиваясь в указанном направлении, прилагательные на -лый все более ослабляют связи с первоначальными производящими глаголами. В некоторых случаях эти глаголы уже необходимо восстанавливать с помощью специального этимологического анализа, форма на -лый функционирует как непроемная, суффикс -л- выделяется чисто условно. Например: *веселый, дошлый, наглый* и др. Именно эти прилагательные в первую очередь наделены всеми признаками так называемых качественных прилагательных: легко образуют степени сравнения, соотносительны с наречиями на -о и существительными на -ость, имеют краткие формы и т.д. Отсюда: *вяло, зрело, смело, умело, кисло* и т.д.; *вялость, зрелость, смелость, умелость* и т.д. Количество подобных форм увеличивается по направлению к современности⁸. По мнению некоторых исследователей, формы на -лый, мотивированные приставочными глаголами,

⁴ А. А. Потехина, *Из записок по русской грамматике*, т. 1 - 2, Москва 1958, с. 238.

⁵ Б. Х. Исмагулова, *О моделях развития переносных значений слов в сфере русских прилагательных*, „Русский язык в школе” 1978, с. 94 - 97.

⁶ См. Ф. Коровин, *Эволюция значений отглагольных прилагательных с суффиксом -л-ый в русском языке*, „Научные труды Киргизского университета, филологического факультета” 1970, вып. XVI, с. 27 - 40.

⁷ Л. И. Донецких, *Реализация эстетических возможностей имен прилагательных в тексте художественных произведений*, Кишинев 1980, с. 110.

⁸ Л. В. Болдырева, *Наречия, образованные от имен прилагательных (по памятникам русской письменности XII - XVII вв.)*, автореферат диссертации кандидата филологических наук, Ленинград 1955, с. 9.

приобретают те же признаки с большим трудом, поскольку ясно выраженное отношение к действию мешает развитию отвлеченных качественных оттенков в семантике⁹. Тем не менее даже они постепенно подвергаются процессу „окачествления” и производят как наречия, так и существительные на *-ость*. Например: *затверделость, окаменелость, одичалость, омертвелость* и т.д.; *обалдело, ошалело, озверело* и т.д. Серьезным препятствием на пути образования наречий отподобных прилагательных (как, впрочем и кратких форм) является нежелательная омонимия с формами прошедшего времени. В связи с этим нечленные формы у подобных прилагательных употребляются лишь в тех случаях, когда они не омонимичны с формами прошедшего времени.

Все приведенные особенности позволяют охарактеризовать прилагательные на *-лый* как „качественные” имена, выражающие признак, связанный с действием. Об этом писал в свое время А. М. Пешковский: „Когда мы говорим «мерзлая говядина», мы думаем не столько о том, что она замерзла, сколько о том, какая она холодная, твердая, невкусная. При слове «заржавелый ключ» нам прежде всего представляется цвет ключа, а не то, что он был когда-то чистым, а теперь заржавел”¹⁰.

Для общей семантической характеристики прилагательных на *-лый* представляется чрезвычайно важным и то обстоятельство, что они способны производиться от собственно именных основ, причем это свойство у этих адъективов очень древнее. Например: *круглый, светлый, тяжелый* и т.д. Правда, количество этих форм очень ограничено в языке, так как суффикс *-л-* достаточно рано закрепился за глагольными основами.

Чем же являются формы на *-лый*? Причастиями или прилагательными по происхождению? По этому поводу существуют разные мнения: одни считают их первообразными причастиями¹¹, другие — отглагольными прилагательными¹². Возможно, что истоки этих образований относятся к тому древнейшему и.е. периоду, который характеризовался недифференцированностью категорий имени и глагола, т.к. каждый корень, по выражению А. Мейе, „был словом как именного, так и глагольного значения”¹³. Ответить на этот вопрос с большей определенностью можно лишь с учетом данных исторического развития форм на *-лый*.

---

⁹ См. И. П. Чиркина, *Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке*, „Русский язык в школе” 1956, с. 19 - 20.

¹⁰ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва 1956, с. 80.

¹¹ Н. И. Букашевич, *Главнейшие суффиксы прилагательных в древнерусском литературном языке*, „Праці Одеськ. університету” (Серія філол. наук.) 1959, т. 149, вып. 9, с. 168.

¹² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка*, изд. 2-е доп., Москва 1965, с. 241.

¹³ Ю. В. Откупщиков, *Из истории индоевропейского словообразования*, Ленинград 1967, с. 107.

Общее количество форм на *-мый* увеличивается в русском языке по направлению к древности. Прилагательные на *-мый* в языке более раннего периода функционировали как отглагольные образования, мотивированные самыми разнообразными глагольными основами независимо от их грамматических показателей. Наряду с сохранившимися в языке словообразовательными типами здесь были возможны образования на *-мый* от иных глагольных основ (переходных и возвратных). Отсюда с одной стороны: *вялый* — ‘увядший’, *очаделый* — ‘закоптелый’, *прокысли* — ‘испорченный, застарелый’, *прибыли* — ‘прибавившийся’, *отпальи* — ‘ослабший’, *погыблы* — ‘погибший’, *пониклы* — ‘поникший’ Срезн¹⁴, и с другой — более интересные для нас формы, функционирующие, например, в *Назирателе*:

„... или колачь сверхъ только припѣклыи (184, об. 14);
 „... и поднеслые бывають немного лѣтораслей у долж и на низж” (60, 0.10);
 „... все составляется из жилокъ роспятых и розошлых по тѣлж” (58, об. 2);
 „... чтобы была гораздо тѣчная выровненаа и улеглаа (земля)” (73, об. 6).

Способность мотивироваться приведенными глаголами совмещалась у подобных прилагательных с выражением основного перфектного значения. Семантическая близость причастиям прошедшего времени приводила в свою очередь к синонимии типа: ... не пожнете мене отъ жиги а не съзрѣла не пожнете класа не уже съзрѣвыша Усп. сб., 14а, 16 - 18. Как было показано выше, подобные отношения сохранились до настоящего времени.

Свидетельством независимости образований на *-мый* от причастной сферы является их способность при мотивации разными глагольными основами выражать семантические оттенки, близкие действительным причастиям настоящего времени. Этой способностью древнерусские прилагательные обладали в гораздо большей степени. Например: *вытеклыи* — ‘вытекающий’. — А заводу тымъ землямъ по Семенгу рѣку, а по другую сторону Вагѣ выше Паденгѣ, по вытеклыи руцеи. Ряд. зап. п. 1314 Срезн.; *неочаглыи* = *неочаалыи* — ‘не отчаивающийся’. Щедроты твоа въ родъ и родъ прѣбывають на людѣхъ неочаалѣхъ. Панд. Ант. XI в. л. 307; *пошьлыи* — ‘искони принадлежащий’. А что села пошлые монастырскіи въ тѣ села мнѣ князю великому не всылати. Уст. гр. Вас. Дм. 1392.

тяглыи — ‘несущий подати’ (*тягнути* — ‘нести повинности’). А архимариту тяглыхъ людѣи Волоцкихъ не примати. Жал. гр. Ив. Кал. д. 1340.

унылыи — ‘склоняющийся к унынию, к лени’. И вси ... уныли будутъ по тебе. Ез. XXVIII. 19 (Упыр.) и т.д. Срезн.

¹⁴ (Срезн.) — И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*; (Наз.) — Назиратель — *Книга, глаголемата назиратель, с рѣчь уряд домовых дѣтель*, Москва 1973; (Усп. сб.) — *Успенский сборник XII - XIII вв.*, Москва 1971; (СРЯ XI - XVII) — *Словарь русского языка XI - XVII вв.*, вып. I - X, Москва 1975 - 1983.

Еще более отдалены от причастий прилагательные на *-лый*, способные в силу словообразовательных связей с глаголом совмещать в пределах одной формы различные оттенки отношения к действию. Так у Срезневского находим: свѣтълыи — сияющий, яркий. Тебе, светлюую свѣщоу. Ирм. ск. 1250 г.; — озаренный светом. Се облакъ свѣтъль осиганъ Мо. ХУП. 5. Остр. ев. В СРЯ XI - XVII века: вислый — '1. Висячий. Замокъ вислой — висячий замок. 2. Подвесной, подвешивающийся... полка вислая з затворы. Кн. пер. Нил. Столб. II. 15. 1647. 3. Отвислый, свисающий ... на голенастый дуб на вислой сук. А. феод. землевл. I. 259. XVII в. 1499. 4. Нависший. ... высокие вислые горы яко стѣны. Х. Ионы Мал. 56. 1652. 5. Вяленный (о рыбе) ... лосось вислая'. Кн. расх. Кир. — Б. М. П. XVII в. 1588 г.; зрълыи — 'достигший полного развития, зрелый, плодоносящий'. ... зрълыи садъ. Ж. кн. Ольги Сильв., 3. XVI в. 'созревший, спелый'. ... и плоди их зръли и блѣоухании Кн. Енохова. 7. XV - XVI вв. XIII в.

Многие из подобных прилагательных уже утрачивают семантические связи с глаголом, функционируя в древнерусском языке с собственно „качественными“ значениями. Например, гнилой — '1. Гнилой, разложившийся от гниения. 2. Дряхлый, хилый. 3. Испорченный, порочный, скверный'. Всяко слово гнило изъ усть ваших да не исходит ... ВМЧ. Дек. 24. 1948. XVI в. XI СРЯ XI - XVII; дряхлѣи — '1. Печальный. 2. Слабый, немощный. 3. Вялый, ленивый. 4. Жестокий'. СРЯ XI - XVII; помърклыи — 'темный, черный'. Видь чѣлка синя и помъркла Жит. Андр. Юр. XI. VI. 187. Срезн. и т.д.

Многие из форм на *-лый* уже в древнейший период представлены как деэтимологизированные образования, утратившие все связи с былыми глагольными основами. В *Материалах для словаря* ... И. И. Срезневского таких форм достаточно много: *облыи, смаглыи, наглыи, тжклыи, рухлыи, утълыи* и т.д. Суффикс *-л-* в этих прилагательных может быть обнаружен лишь в результате использования индоевропейского материала¹⁵.

Прилагательные на *-лый* утрачивают и еще одну особенность, некогда тесно связывающую их с причастиями, — функцию управления зависимыми словами. Так, в русском литературном языке XVI века употреблялись сочетания форм на *-лый* с творительным беспредложным, обозначающим различные ограничительные обстоятельства: ... но еще паче бждуть затверделые толчением, снасти секущие, и того для живности в верхъ не подают (Наз. 68, об. 13; ... клейстая земля и иловаж и травищами зарослаж (Наз., 106, об. 8).

В качестве пояснительных слов к исследуемым прилагательным выступали также конструкции, выражающие различного рода ограничительные отношения: места, времени и т.д. Они были представлены различными словосочетаниями или наречиями. Например, в *Назирателе*:

¹⁵ См. М. Brodowska-Hanowska, *Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim*, Kraków-Wrocław-Warszawa 1960, с. 184 - 186.

„... или колачь с верху толко припёклыи” (184, об. 14);
 „... корки с верхя скоро запеклыи и твердые ...” (185, об. 10);
 „... а свёжйи хлѣбъ и добръ перепеклыи лятчи есть своета ради мёрности”
 (186, об. 9);
 „... сжхимъ же навозом и недобрѣ изгнилым дерева обкладные” (88, 17)
 „... или от лѣторасли приата или от почки вырослая” (43, об. 18) и т.д.

В силу ослабления процессуальных значений у форм на *-лый* уменьшается возможность подобных сочетаний. В современном русском языке формируются новые типы адъективных сочетаний (*усталый от работы, закоптелый в пороховом дыму* и т.д.), которые носят ограниченный характер и появляются в ряде случаев по аналогии с другими именными сочетаниями (*ошалелый от счастья, яркий от солнца*)¹⁶.

Утрата возможности приведенных сочетаний связана с вытеснением прилагательных на *-лый*, функционально близких причастиям. Причастия, как более приспособленные к обозначению процессуальных признаков, оттесняли прилагательные с занимаемых ими позиций, что приводило к общему уменьшению продуктивности прилагательных на *-лый*¹⁷.

Причастия действительно вытесняли формы на *-лый* с ярким процессуальным значением, которое создавалось мотивацией приставочными глаголами и наличием пояснительных слов. Но тем не менее общая продуктивность форм на *-лый* не утрачивается. Она сохраняется длительное время за счет изменения соотношенности образований на *-лый* и развития двойкой мотивации: как глаголом, так и именем, генетически связанным с этим глаголом. Древнерусскому языку подобная множественность мотивации почти неизвестна. В литературном языке XVIII века она становится чрезвычайно популярной. Будучи мотивированным отменными приставочными глаголами, прилагательные на *-лый* развивают семантическую близость этому имени, что, в свою очередь, способствует формированию различных конфиксальных морфем¹⁸ типа *за...л(ый)*, *о...л(ый)*, и т.д., использующихся в языке для выражения словообразовательного значения: ‘ставший таким или подобным тому, на что указывает производящая основа’. Например, *загустелый* — ‘сделавшийся густым’, *загрубелый* — ‘закосневший в грубости’, *заиндевелый* — ‘инеем покрывшийся’, *закостенелый* — ‘превратившийся в кость’, *заржавелый* — ‘повреждённый ржавчиной’, *запотелый* — ‘покрывшийся какою-то влагою’, *затверделый* — ‘сделавшийся твердым’, *захилелый* — ‘сделавшийся хилым’, *зачерствелый* — ‘сделавшийся черствым’, *запустелый* — ‘пришедший в запустение (сделавшийся

¹⁶ См. И. П. Чиркина, указ. раб.

¹⁷ *Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного*, Москва 1964, с. 419.

¹⁸ См. В. М. Марков, *Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М. В. Ломоносова*. В кн.: *Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века*, вып. I, Казань 1967.

пустым) и т.д., но ср. *завялый* — ‘засохший, лишившийся соков’, *залетель* — ‘из другого места прилетевший’, *залежалый* — ‘прил., употребл. к означению товара, давно в лавке лежавшего’ САР¹⁹ и т.д.

Стремление к ослаблению связей с глаголом у образований на *за...лый* проявляется не только в структурном параллелизме типа *загрубелый* — *загрубелый* (а отсюда и варианты конфикса *за...лый*, *за...алый*) САР, но, что особенно важно, в возможности существования интересующей нас модели при отсутствии в языке соответствующего глагола на *за...еть*. Подобных форм немного, но их можно обнаружить как в языке XVIII века: *закоржавелый* — ‘сделавшийся жестким’, *замоклый* — ‘сделавшийся мокрым’ САР; так и в современном русском языке: *задубелый* — ‘сделавшийся твердым, подобно дубу’, *задернелый* — ‘покрывшийся дерном’ ССРЛЯ и т.д.

Стойкость приведенной модели ярко демонстрируют те материалы современного русского языка, где общее значение форм на *за...лый* трактуется через соотнесенность с именем: *зачерствелый* — ‘ставший совсем или слишком черствым’. *Зачерствелые сухари*; *загрубелый* — ‘ставший жестким, шершавым, грубым’. *Загрубелая кожа*; *закаменелый* — ‘затвердевший, как камень’; *заледенелый* — ‘покрывшийся льдом’, ‘холодный, как лед’. *Заледенелая труба*; *затверделый* — ‘ставший совсем твердым, плотным’. *Затверделая опухоль*. Ушаков; *зажирелый* — ‘заплывший жиром, тучный’. *Зажирелая курица*; *загустелый* — ‘ставший густым’. *Загустелый кисель*; *замшелый* — ‘обросший мохом’ ССРЛЯ; *задеревенелый* — ‘ставший твердым, как дерево’; *заплесневелый* — ‘покрывшийся плесенью’; *затравенелый* — ‘заросший травой’ Барх. I.

Большинство приведенных форм сопровождается в словарях пометами: уст., простор. и т.д., поскольку они эмоционально окрашены и стилистически ограничены. Не случайно в русских народных говорах можно обнаружить большее количество подобных конфиксальных форм. Например: *забурелый* — ‘ставший бурым (о созревших плодах)’, *затускнелый* — ‘тусклый’, *зажелклый* — ‘блеклый, линялый’, *затемнелый* — ‘некультурный, отсталый, темный’, *заруделый* — ‘темно-желтый’, *запанелый* — ‘разбогатевший и ставший поэтому высокомерным’ СРНГ²⁰ и т.д.

Подтверждением самостоятельности конфиксальной модели *за...лый* является параллелизм форм *за...лый*, *о...лый*, также возникший на базе соответствующих глаголов на *за...еть*, *о...еть*: *запустелый* — *опустелый* — ‘покинутый жителями’, *загрубелый* — *огрубелый* — ‘ставший грубым’, *задеревенелый* —

¹⁹ (САР) — *Словарь академии Российской, производным порядком расположений*, ч. I-VI, Санкт-Петербург 1789 - 1794; (ССРЛЯ) — *Словарь современного русского литературного языка*, в 17-и т., Москва—Ленинград 1948 - 1965.

²⁰ Общую картину отношений, приведенных выше, не меняет существующий в языке параллелизм типа: *загорелый* — *загоревший*, *закоченелый* — *закоченевший*, *застылый* — *застывший* и т.д., связанный с мотивирующими глаголами иного содержания.

одеревенелый — ‘застывший, неподвижный (как дерево)’, *заледеленый* — *оледенелый* — ‘покрывшийся льдом’, *закаменелый* — *окаменелый* — ‘затвердевший, как камень’ Ушаков и т.д., но ср. *загорелый* (— *загоревший*) — *обгорелый* (= *обгоревший*) и т.д.

Приведенная синонимия поддерживается формирующейся самостоятельной моделью *о...л(ый)*, *о...ел(ый)* с тем же словообразовательным значением. Уже русский литературный язык XVIII века представляет нам значительное количество образований на *о...лый*, не имеющих мотивирующего глагола и явно тяготеющих к мотивации именем: *огорклый* — ‘горьким сделавшийся’, *окоростелый* — ‘коростою осыпанный’, *остарелый* — ‘сделавшийся старым’, *ослизлый* — ‘сделавшийся слизким’, *огрузлый* — ‘через меру опустившийся, оседший в воду’, *отолстелый* — ‘сделавшийся толстым’, *ослабелый* — ‘пришедший в слабость’, *окосмателый* — ‘сделавшийся косматым’, *омертвелый* — ‘ставший мертвым’, *ослабый* — ‘сделавшийся слабым’, *отверделый* — ‘сделавшийся твердым’ САР и т.д.

САР (1789 - 1794)

ССРЛЯ (1948 - 1964)

окаменелый — ‘применившийся в камень’;

окаменелый — ‘ставший твердым, как камень, принявший вид и свойства камня’;

обеднелый — ‘пришедший в бедность’;

обеднелый — ‘впавший в бедность’;

осиротелый — ‘оставшийся в сиротстве’;

осиротелый — ‘потерявший отца, мать, ставший сиротой’;

ослизлый — ‘сделавшийся слизким’;

ослизлый — ‘покрытый слизью, мокрый и скользкий’;

В современном русском языке наряду с большим количеством просторечных, разговорных и т.д. форм на *-лый*, мотивированных глаголами на *о...еть* (типа *оцепенелый*, *оторопелый*, *остолбенелый* и др.), можно обнаружить и адъективы на *о...лый*, не имеющие той же производящей базы: *оруденелый* — ‘превратившийся в руду в результате насыщения теми или иными металлами’, *оторфенелый* — ‘превратившийся в торф’, *ослизлый* — ‘покрытый слизью, мокрый и скользкий’ ССРЛЯ и т.д.

Некоторые из образований на *-лый* появились сразу как конфиксальные (при мотивации соответствующим именем): *округлый* — ‘похожий на круг’. *Округлое лицо*. Ожегов.

Оставляя в стороне прочие конфиксальные прилагательные типа *выцветлый* — ‘выпустивший из себя цветы’, *выкислый* — ‘получивший надлежущую кислоту’, *уседелый* — ‘весьма седым сделавшийся’ САР и т.д., которые не нашли в языке должного распространения, отметим лишь, что в русском

языке более раннего периода формы на *-лый* могли быть мотивированы большим количеством одноосновных приставочных глаголов типа: *вымерзлый, замерзлый, намерзлый, обмерзлый, отмерзлый, перемерзлый, померзлый* и т.д. или *зарослый, недорослый, вырослый, вырослый, оброслый, порослый, великорослый, рослый* и т.д. САР. По мере отдаления от глагольной основы, ослабления связи с ней, уменьшается общее количество подобных образований.

Само собой разумеется, что прилагательные на *-лый*, мотивированные бесприставочными глаголами, более свободны от выражения процессуальных оттенков в своей семантике. Они издавна функционируют как отглагольные адъективы, выражая не только перфектное, но и герундивное значение (предназначенный для какого-либо действия, указанного производящим глаголом). Например: *езжалой* — ‘при езде употребляемый’. *Езжалой конь*. САР, ср. *езжалый* — ‘много ездивший, привычный к езде’. *Езжалый ящик*. Ушаков; *служилый* — ‘принадлежащий до чьей службы’. *Давати служилые кабалы*. САР; ср. *служилый* — (истор.) по значению связанное с несением государственных, преимущ. воинских обязанностей в Московской Руси. *Служилые люди*. Ушаков; *постоялый* — ‘дом, определенный для приставания приезжих’ САР, совр. *постоялый* — в выражении *постоялый двор* (устар.) — ‘помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей проезжающих, обычно с трактилом’ Ушаков и т.д. О формах подобного типа писал некогда Г. П. Павский: ‘... жилой потеряло понятие о времени. Жилые покои — не только такие, в которых жили, но и в которых живут и впредь могут жить’²¹. Приведенная особенность послужила основой для синонимического взаимодействия образований на *-лый* с прилагательными, осложненными другими формантами. В древнерусском языке подобное взаимодействие было представлено гораздо шире и часто носило характер полного параллелизма; связанного с отсутствием морфемной специализации и семантической дифференциации отдельных аффиксов: *крѣлыи* — *крѣлыкии* — *крѣлыи*; *топыи* — *топыкии*; *трухлыи* — *труховыи* (‘погнивший, ветхий’); *необыкль* — *необычныи*; *обетьшалыи* — *обетьшавыи* (‘ветхий, старый’) и т.д. Срезн.

Особый интерес при этом вызывает синонимия с именными образованиями на *-ный*: *многосвѣтыи* — *многосвѣтыныи*; *древныи* — *древлыи* Усп. сб., и *-рый*: *мокрыи* — *мокрыи* САП и др.

Прилагательные на *-лый* (особенно деэтимологизированные) в древнерусском языке могли быть осложнены и другими формантами, и прежде всего *-н-*: *веселыи* — *веселыныи*, *доблыи* — *доблыныи*, *обилыи* — *обилыныи*, *драслыи* — *драслыныи*, *смагыи* — *смагыныи* Срезн. и др. Эти формы уже утратили всякие связи с первоначальной мотивирующей основой, относятся к числу деэтимологизированных. При сохранении ясной соотнесенности с глаголом

²¹ Г. П. Павский, *Филологические наблюдения над составом русского языка*, 2-е изд. Рассуждение 2, Санкт-Петербург 1850, с. 84.

возможна синонимия образований на *-лый -ивый*: беглый — 'беглый, сбежавший, ставший перебежчиком', но бегливый — 'склонный к бегству, беглый' СРЯ XI - XVII; служилый — служивый ... и всяком служилой и не служилой ржхледи ...; ... и всякая служивая рухлядь и др.²² Подобные образования послужили основанием для формирования производных морфем типа *-льн-, -лив-* и т.д.²³

В современном русском языке подобная вариативность представлена очень ограниченно: беглый — 'спасающийся бегством', но беговой — 'служащий для состязания в беге'; жилой — 'предназначенный для жилья, обитаемый', но живой — 'такой, который обладает жизнью'; зяблый — зябкий — 'чувствительный к холоду' и т.д. Ушаков.

В русских народных говорах: дойлый — дойный. *Дойлая, дойная ко́рова*; вожалый — вожатый; болелый — больной и т.д. СРНГ.

Сама возможность приведенной синонимии является дополнительным свидетельством именного характера прилагательных на *-лый*, искони обслуживающих сферу отглагольных адъективов.

Таким образом, сложная и пестрая картина развития словообразовательных и семантических особенностей форм на *-лый* на протяжении длительного периода в русском языке заставляет усомниться в „причастности" этих образований, находящихся на разных ступенях смысловой связи с производящим глаголом.

WORD-FORMATIVE STRUCTURE OF ADJECTIVES WITH INDO-EUROPEAN FORMATIVE *-LO IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE

by

EMILIA BALALYKINA

Summary

In her article the author discussed in retrospect cases in *-lyi* in the history of Russian language. The author gives an exact semantic and word-formative characterization of cases of the type *vialyi* or *zrielyi* on different levels of development of the language. She also established the semantic dependence of the size of created forms on the character of the creative verb. The author proves the nominal character of investigated cases which

²² (МПЛС) — *Литовский статут в Московском переводе-редакции*. В кн.: *Летопись знаний императорской археографической комиссии за 1915 г.*, Петроград 1916, с. 123.

²³ См. Е. Б. Бесолова, *Прилагательные, образованные от первообразных глаголов*. В кн.: *Вопросы истории и филологии*, Ростов 1974, с. 142.

evidently showed in the Old Russian period, the basic directions of co-operation of adjectives in *-lyi* with appropriate participles of active and passive voice, of present and future tenses. The author also described the ways of confixal morphemes of the type *za...lyi* or *o...lyi* when the change of relativity of these adjectives occurs as well as consolidation of the new motivation by the name: *ogorklyi* — *gor'kim*, *sdielavshijsia zagrubielyi* — *stavshij grubym*, etc.

Special attention is paid in the article to such forms which are able to express, in the case of motivation of a verb, various shades of relation to the activity: *zhyloi*, *sluzhilyi* and the like and to cases of suffixal synonymy of the *zhyloi* — *zhyvoi* and so on.